

В. Хмелевская

ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ EXTRABILITY НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛАТВИИ

Данная статья посвящена исследованию термина «инклюзия» в Латвии: выявлена противоречивое понимание инклюзии на основе качественных неформализованных интервью с незрячими и слабовидящими респондентами в Латвии. Инклюзивная культура определяется как система семантических кодов и ценностей, которая положительно влияет на развитие понятия инклюзии, а компоненты для формирования такой культуры предлагается выявить, исследуя новую социальную модель „Extrability”, которая пока еще находится на стадии апробации.

Ключевые слова: инклюзивная культура, социальные навыки, способности высокого уровня.

V. Hmelevska

POTENTIAL INFLUENCE OF EXTRABILITY ON THE FORMATION OF INCLUSIVE CULTURE IN LATVIA

This paper is devoted to the study of the term inclusion in Latvia: a contradictory understanding of inclusion has been revealed, based on qualitative non-formalized interviews with blind and visually impaired respondents in Latvia. Inclusive culture is defined as a system of semantic codes and values, which has positive impact on the development of the concept of inclusion, and it is proposed to identify the components for the formation of such a culture

by exploring the new social model “Extrability” that, however, is still at the stage of approbation.

Keywords: inclusive culture, social competences, extrability.

В этой статье приведены эмпирические данные, собранные на основе качественных неформализованных интервью и фокус-групп в форме дискуссий с респондентами с нарушениями зрения в трех возрастных категориях:

- 18–30;
- 30–50;
- 50 лет и выше.

Данные собраны в период 2012–2014 годов в рамках докторской диссертации по программе социологии (организация социальной политики инвалидности) в Латвийском университете, а также применен опыт участия автора в инклюзивных мероприятиях в рамках концепта extrability в сотрудничестве с некоммерческой организацией «Белая трость».

Термин «инклюзия» в латвийском обществе стал актуален со времени вступления Латвии в Европейский союз в 2004 году. И на сегодняшний день можно с уверенностью отметить, что общество становится все более открытым и толерантным к различным социальным группам благодаря положительным изменениям в сфере прав человека на законодательном уровне Европейского союза в целом и в Латвии в частности.

Однако из-за отсутствия стратегий инклюзии, а также по причине фрагментарного понимания респондентами термина инклюзии, респонденты воспринимают инклюзию как мало интересующее их явление. Люди с нарушениями зрения предпочитают жить и находиться в узком кругу близких им людей, почти не полагаясь на общество. Респонденты понимают, что инклюзия желательна, но она для них малоактуальна, поскольку инклюзия не отвечает потребностям инвалидов по зрению.

Респонденты от 50 лет и выше считают, что инклюзия к ним не относится: она их не касается.

Для респондентов с нарушением зрения моложе 50 лет инклюзия актуальна. Молодые люди до 30 лет осознают инклюзию как важную часть взаимодействия с обществом, но инклюзия, по их мнению, должна проявляться иначе, чем она проявляется сейчас. Интересно отметить и другое мнение, например, респондент Х (32 года) говорит: «Для всех групп общества, конечно, инклюзия необходима, но мне лично это не нужно».

Люди с полной потерей зрения считают, что инклюзия для них актуальна, но люди с частичной потерей зрения не могут однозначно сказать, что инклюзия им необходима.

Компоненты инклюзии, которые обозначили участники дискуссий, аналогичны компонентам, прописанным в политических документах ЕС в сфере инклюзии, но их порядок отличается приоритетами: если в политических документах преобладают доступность окружающей среды и толерантность, то люди с нарушениями зрения на первый план выдвигают разного рода поддержку, общение, осведомленность и сотрудничество.

В целом однозначного представления о том, что такое инклюзия в Латвии, не существует среди людей с нарушением зрения. Причина кроется в противоречиях между приоритетами инклюзии, установленными на законодательном уровне и существующими реалиями в повседневной жизни людей. Однако на практике общество не желает «опекать» людей с инвалидностью, предоставляя им особые условия на рабочих местах или какие-либо другие поблажки, ведь за счет налогов людей без инвалидности люди, имеющие инвалидность, уже обеспечены минимальными социальными льготами. Таким образом, позиция людей с инвалидностью и остального общества отличается в вопросе конкретной практики, как например, трудоустройство людей с инвалидностью по зрению или обеспечение ассистентов, сопровождающих инвалидов в магазинах и других общественных местах. Противоречие в восприятии инклюзии усугубляется тем, что люди с инвалидностью по зрению воспринимают инклюзию в первую очередь как поддержку от обще-

ства, при которой сами люди с инвалидностью являются пассивными потребителями этой поддержки.

Получается, что в вопросе инклюзии есть две полярно противоположные стороны: декларативное стремление к равенству во всем и реально существующее неравенство людей с инвалидностью по отношению к обществу из-за недостаточного образования и социальных навыков у людей с инвалидностью и их необъективного восприятия уклада жизни общества.

В качестве инструмента, позволяющего адаптировать инклюзию к современным реалиям, не меняя документальную базу инклюзивной политики, может послужить новая, но уже имеющая положительную динамику в области инклюзии социальная модель, называемый *extrability* (способности высокого уровня). Это социальная модель имеет в своей основе ценностную шкалу, ориентированную на инклюзивную культуру, при которой люди с инвалидностью имеют важную социальную роль — способствовать развитию процветающего общества. Ценности этой социальной модели базируются на принципах:

- мотивация за счет личностного роста в достижении общественных интересов;
- протяженности во времени;
- социальной справедливости;
- вовлечения.

Модель *extrability*, благодаря применяемым в ней практикам вовлечения всех социальных групп в активное построение общества на основе элементов игры, способна постепенно изменять социальное сознание в сторону эффективной инклюзии.

Инклюзивные игры в этой модели выполняют функцию изменения социального поведения, так как через положительные эмоции и взаимодействие с людьми с различным опытом жизни, но в один отрезок времени повышается восприимчивость участников инклюзивных игр к новым жизненным обстоятельствам, тем самым адаптация в инклюзию происходит быстрее, чем у тех людей, которые не участвовали в играх.

Эта модель при ее регулярном практическом применении работает следующим образом. При инклюзивном взаимодействии всех социальных групп формируется и накапливается опыт полноценного участия во всех социальных процессах с разными социальными группами. Этот опыт порождает новые практические навыки, позволяющие людям оценивать свое место в обществе и окружающую их среду в соответствии с ритмом жизни общества. Данная практика повышает качество жизни индивидумов и общества, а также влияет на семантическое переосмысление компонентов инклюзии на уровне осознанного мировосприятия людей, живущих в парадигме этой модели. В итоге эти компоненты инклюзивной культуры создаются на основе объективных для общества потребностей, но не на индивидуальном и субъективном представлении о том, что такое инклюзия.

Аналогично инклюзию, трактуемую в *extrability*, понимает ученый Дэн Аллман [1] и в своих исследованиях инклюзии также обращает внимание на противоречивый характер инклюзии как явления. Он приходит к выводу, что инклюзия имеет в своей основе схожесть с биологической системой. Аллман Д. полагает, что социальные системы действуют по принципу биологического функционирования растительной или животной природы, то есть инклюзия охватывает все социальные сферы деятельности общества и раскрывается как социальная сетевая система.

Если учесть мнение, что культура представляет собой обширный спектр социальных процессов [3, р. 556], то роль антропологических изменений на генном уровне уже в своей основе является не индивидуальным процессом, а социальным. Социальное наследие образует стратегии поведения как следствие взаимодействия с окружающей средой. Культура расширяет социальное пространство, создавая условия для проявлений общности разных культур: обмен общими ценностями и практикой объединяет коды различных групп и тем самым создает основу инклюзивной культуры. Такую модифициро-

ванную культуру затем могут наследовать следующие поколения [2, p. 109–131].

Так, Пьер Бурдьё [4] придает большое значение схемам общей практики в контексте социального неравенства и называет эти схемы «габитус». Этим схемам необходимо обучаться и понимать их, поскольку продукт культуры определенной социальной группы включает в себя символы или коды, посредством которых продукт культуры понятен. Таким образом, данные коды будут доступны преимущественно для определенного социального слоя населения.

Инклюзивная культура — особый срез общественной жизни, который необходимо сначала изучить, понять и объяснить его специфику, и только потом проявится актуальность этого элемента культуры для общества в целом.

Необходимо формировать новые стратегии социального поведения. Для этого инклюзивная культура должна стать доминирующей практикой в обществе, и тогда будет возможность ее социально унаследовать.

Можно сделать вывод, что людям с нарушением зрения в Латвии необходима система индивидуальной адаптации к инклюзивной культуре, и такая адаптация может происходить путем применения модели *extrability* людьми с инвалидностью.

Литература/References

1. Allman, D. (2013). The Sociology of Social Inclusion. URL: <https://doi.org/10.1177/2158244012471957> (accessed: 12/13/2018).
2. Ames, K. M. (1996). Archeology, Style, and the Theory of Coevolution In: Darwinian Archaeologies, New, Plenum Press;
3. Henrich, J., McElreath, R. (2007). Dual Inheritance Theory: The Evolution of Human Cultural Capacities and Cultural Evolution In: R. Dunbar Oxford, Oxford University Press.
4. Kalantzis, Mary, Cope, Bill. (2012). New Learning: Elements of a Science of Education. Cambridge University Press, 2nd ed., URL: <http://newlearningonline.com/new-learning/chapter-5-learning-personalities/pierre-bourdieu-on-cultural-capital/> (accessed: 12/13/2018).